

ЛАУРА СПИННИ

БЛЕДНЫЙ ВСАДНИК

— КАК «ИСПАНКА» ИЗМЕНИЛА МИР —

Проза истории

Лаура Спинни

**Бледный всадник: как
«испанка» изменила мир**

«Издательство АСТ»

2017

УДК 616.9:94
ББК 55.14+63.3

Спинни Л.

Бледный всадник: как «испанка» изменила мир / Л. Спинни —
«Издательство АСТ», 2017 — (Проза истории)

ISBN 978-5-17-133984-5

Эта книга – не только свидетельство истории, но и предсказание, ведь и современный мир уже «никогда не будет прежним». В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 616.9:94
ББК 55.14+63.3

ISBN 978-5-17-133984-5

© Спинни Л., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Введение	6
Часть первая	12
Глава 1	15
Глава 2	24
Часть вторая	30
Глава 1	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Лаура Спинни
Бледный всадник. Как
«испанка» изменила мир

За RSJF¹ и потерянные поколения

Laura Spinney
PALE RIDER

Впервые опубликовано как «Бледный всадник» Джонатаном Кейпом, издание Vintage. Vintage входит в группу компаний Penguin Random House и литературного агентства Andrew Nurnberg

Copyright © Laura Spinney, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Введение

Слон в посудной лавке

Скоротечность пандемии гриппа в августе–сентябре 1918 г. поставила врачей того времени перед грандиозными проблемами. <...> Не меньшие проблемы с тех пор стоят и перед историками.

Теренс Рейнджер. «Предисловие историка» к сборнику «Пандемия испанского гриппа 1918–19 гг.» (2003)²

9 ноября 1918 года весь Париж буйно ликовал по случаю свержения в Германии кайзера Вильгельма. «*À mort Guillaume! À bas Guillaume!*»³ – скандировали толпы. А тем временем высоко над VII округом, где проходили стихийные гуляния, на холме Монпарнас лежал на смертном одре Гийом Аполлинер⁴, выдающийся поэт и светоч французского авангардизма, изобретатель термина «сюрреализм» с последователями масштаба Пабло Пикассо и Марселя Дюшана... В 1914 году Аполлинер отправился добровольцем на фронт, где получил осколочное ранение в голову, перенес трепанацию черепа, чудом выжил и – вот ведь! – умер от «испанки» на тридцать девятом году жизни, хотя и был посмертно объявлен *mort pour la France*⁵.

Похороны поэта состоялись через четыре дня – на второй день по окончании Первой мировой войны. После отпевания в церкви Св. Фомы Аквинского траурная процессия потянулась в направлении кладбища Пер-Лашез. «Однако на пересечении с бульваром Сен-Жермен, – вспоминал Блез Сандрар, друг и собрат Аполлинера по перу, – кортеж был взят в осаду толпой шумно празднующих прекращение огня мужчин и женщин, которые как безумные махали руками, пели, танцевали, целовались и упоенно скандировали припев популярнейший в конце войны шуточной песенки: „Нет, постой, не уходи, Гийом! Нет, постой, не уходи...«» Понятно, что злая ирония толпы была адресована потерпевшему жестокое и унижительное поражение кайзеру, но убитым горем друзьям Аполлинера язвительный шансон с каждым повтором припева щедро добавлял соли на раны⁶.

Смерть поэта всем нам служит метафорическим напоминанием о собственной короткой памяти и коллективном забвении, которому мы предали жесточайший в новейшей истории человечества мор и десятки миллионов, павших его жертвой. Заразилось «испанкой» не менее трети населения планеты (порядка 500 млн человек). За весь период с первого (4 марта 1918 г.) до последнего (март 1920 г.) официально подтвержденного случая с летальным исходом этот вирус унес 50–100 млн человеческих жизней, что составляло от 2,5 до 5 % наднаселения Земли. При этом сам по себе двукратный разброс в оценках, сохраняющийся и

² Полностью цитата из «Предисловия историка» Т. Рейнджера к сборнику Н. Phillips and D. Killingray (eds.), *The Spanish Influenza Pandemic of 1918–19: New Perspectives* (New York: Routledge, 2003) выглядит так: «Скоротечность пандемии гриппа в августе–сентябре 1918 г. поставила врачей того времени перед грандиозными проблемами. У них не было шансов испытать различные лекарства или хотя бы разобраться с природой этой болезни, прежде чем она сошла на нет. Не меньшие проблемы с тех пор стоят и перед историками». Из этого же источника взяты и цитируемые далее высказывания Рейнджера о необходимости изменения стиля описания пандемий.

³ «Смерть Вильгельму! Долой Вильгельма!» (*фр.*) Дело в том, что во Франции имена августейших особ принято переводить на родной язык, и Вильгельма II там величали «Гийомом».

⁴ По иронии судьбы, и сам Гийом Аполлинер построил свой творческий псевдоним по тому же принципу, офранцузив первое (Вильгельм) и последнее (Аполлинарий) из пяти имен, данных ему при рождении матерью-одиначкой и космополиткой из знатного польского рода Анжеликой Костровицкой.

⁵ «Павшим за Францию» (*фр.*).

⁶ J. Winter, *Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History* (Cambridge: Cambridge University Press, 1995), p. 20.

поныне, свидетельствует о том, что мы до сих пор весьма плохо осведомлены о том, что в те годы в реальности происходило, и пребываем в подвешенном состоянии неопределенности. Однако с точки зрения статистики массовой убыли народонаселения планеты в результате единичного события пандемия «испанки» однозначно оставляет далеко позади Первую мировую войну (17 млн убитых), с большой вероятностью – Вторую мировую (60 млн), а не исключено, что и обе эти глобальные бойни по сумме понесенных человечеством жертв. Образно выражаясь, пандемия испанского гриппа стала величайшим цунами массовой смертности со времен «Черного моря»⁷, а возможно – и за всю историю человечества.

И что же мы видим при беглом просмотре скрижалей истории XX столетия? Две мировых войны, взлет и падение коммунистической идеологии да несколько ярчайших эпизодов деколонизации. А вот самого драматического и гибельного из всех событий минувшего столетия мы не видим в упор, хотя вот же оно, прямо перед глазами. Сколько людей ни опрашивай, величайшей катастрофой XX века они будут называть что угодно, кроме пандемии испанского гриппа. А когда называешь им статистику жертв, у всех неизменно глаза округляются и челюсть отвисает от удивления. Некоторые, правда, после этого задумываются и, покопавшись в памяти, припоминают, что и у них в роду двоюродный дедушка с женой умерли от «испанки», их осиротевшие дети остались беспризорниками и куда-то исчезли, так и пресеклась эта ветвь их рода в 1918 году. Редко где в мире найдется кладбище, открытое больше века тому назад, где не было бы непропорционально обширного участка с могилами, где указанная на надгробиях дата смерти приходится на осень 1918 года, когда на мир обрушилась вторая и страшнейшая волна пандемии, и в памяти людской какие-то смутные воспоминания об этом событии все-таки сохранились. Но ни единого кенотафа или памятника жертвам испанского гриппа вы не найдете ни в Лондоне, ни в Москве, ни в Вашингтоне... Воспоминания об испанском гриппе хранятся в личной, но не в коллективной памяти. И воспринимается та пандемия не как историческая общемировая трагедия, а как сотни миллионов никак друг с другом не связанных маленьких личных трагедий.

Вероятно, дело тут отчасти в весьма своеобразной конфигурации исторических событий: Первая мировая война тянется вот уже долгих четыре года, но вопреки громкому эпитету «мировая» реальные бои идут в основном на европейском и ближневосточном театрах военных действий. Весь же остальной мир чувствует опаляющее дыхание войны, но кружится по периферии этого огненного водоворота, а кое-где над головой и вовсе безоблачное небо, так что война представляется чем-то невообразимо далеким. Иными словами, у той войны был географический эпицентр и был связный и динамично разворачивавшийся во времени сюжет. Испанский же грипп, напротив, подобно всемирному потоку в мгновение ока обрушился на голову всего человечества. Большинство случаев с летальным исходом пришлось на тринадцать недель с середины сентября по середину декабря 1918 года. Это была всеобъемлющая по географическому, но мелкая и локальная по временному охвату катастрофа – в отличие от узколокализованной, но глубокой и затяжной войны.

Историк Африки Теренс Рейнджер⁸ еще в начале 2000-х годов указывал на то, что столь плотно сжатое по времени историческое явление глобального масштаба требует иного подхода к его повествовательному описанию. Прямолинейное изложение хронологии событий тут не годится; нужно использовать иные приемы, подобные манере женщин из аборигенных южно-африканских племен обсуждать любое важное для их общины событие. «Они описывают его

⁷ Пандемия бубонной чумы, охватившая в середине XIV в. всю Евразию, включая Аравию, и Северную Африку (как минимум), выкосившая Золотую Орду и объективно весьма способствовавшая тем самым становлению и последующему укреплению и расширению Великого княжества Московского, в силу изначально присущей его правителям склонности к самоизоляции не особо сильно и лишь на ее излете пострадавшего от пандемии, пришедшей с Востока на Запад по Великому шелковому пути.

⁸ Теренс Рейнджер (1929–2015) – оксфордский африканист, историк и этнограф Зимбабве.

раз за разом, ходя кругами вокруг да около, – писал Рейнджер, – постоянно возвращаются к нему, затем расширяют круг и привносят в событие воспоминания из прошлого и предвидения будущего»⁹. И в иудаистском Талмуде, кстати, тексты построены по аналогичному принципу. На каждой странице столбец текста древнейших писаний окружен старинными комментариями, по периметру которых расположены позднейшие комментарии к комментариям – и так далее до тех пор, пока центральная мысль не оказывается прочно вплетена в ткань пространства-времени и общенародной памяти. (Возможно, была у Рейнджера и еще одна причина предложить излагать историю испанского гриппа «по-женски»: за больными-то ухаживали в основном женщины. Именно они чутко ловили и фиксировали в памяти каждый жест и взгляд, вздох и стон больных, обмывали и прибирали умерших, брали на себя заботу о сиротах. Именно женщины служили связующим звеном между индивидуальным и коллективным сознанием.)

Корень любой пандемии – в появлении очередного возбудителя, легко передающегося от человека к человеку инфекционного заболевания. Но и характер первичной вспышки, и динамика распространения болезни, и последствия пандемии всякий раз определяются совокупностью множества факторов и событий, действующих и происходящих параллельно и одновременно друг с другом в разных сочетаниях в различных очагах и местах распространения инфекции. Влияние оказывает все и сразу – от погоды на местах и цен на хлеб до представлений местных врачей о возбудителях заболеваний, целителей – о природе болезней, а аборигенов – о добре и зле, силах света и тьмы, белых магах и джиннах. Пандемия же, в свою очередь, также весьма быстро сказывается на ценах на хлеб, представлениях о возбудителях, трактовке добра и зла – и далее по порядку, иногда и вплоть до погоды. Феномен этот носит в равной мере социокультурный и биологический характер; таким образом, местные представления о пандемии никак не получится отделить от исторического, географического и культурного контекста. И то, в каких словах и образах африканские матери и бабушки передают потомкам предания о тех событиях, делает их свидетельства необычайно весомыми именно в силу изобилия контекстуальных деталей, даже если сами события, о которых они повествуют, промелькнули незамеченными и канули в лету. Настоящая книга преследует ровно ту же цель.

Да и время пришло. Десятилетиями никого та пандемия по большому счету не интересовала, кроме статистиков медицинских страховых компаний, подсчитывавших вероятные убытки в случае повторения подобного, эпидемиологов, вирусологов и историков медицины. Однако с конца 1990-х годов наблюдается взрывной рост внимания к пандемии «испанки» – поначалу со стороны историографов, а в последние годы и у представителей всех мыслимых и немыслимых дисциплин. Теперь событиями вековой давности живо интересуются и экономисты, и социологи, и психологи, а не только историки и эпидемиологи. Представители каждой из наук пристально рассматривают ее под собственным углом, и по совокупности их разносторонних наблюдений наше понимание случившегося претерпело значительные изменения. Слишком часто, однако, их выводы публикуются в научных журналах для специалистов узкого профиля, а в настоящей книге как раз и предпринята попытка синтезировать всю сумму накопленных знаний о пандемии испанского гриппа, соткать из множества пестрых нитей разнородных знаний полотно целостной картины разгула по миру этого зверя во всей его чудовищной красе и многоликом ужасе.

Доступная на сегодня информация характеризуется не только академическим, но и географическим разнообразием, что вполне естественно, ведь речь идет об описаниях катастрофы общемирового масштаба и значения. Большинство отчетов об испанском гриппе до сих пор

⁹ Ranger, in Phillips and Killingray (eds.). Рейнджер имеет в виду, в частности, женских персонажей из романов зимбабвийской писательницы Ивонны Вера (англ. Yvonne Vera, 1964–2005), что весьма символично в контексте обсуждаемой темы, поскольку в британской Родезии испанский грипп в разгар эпидемии также прозвали «Ивонной».

фокусируются на Европе или Северной Америке, что и не удивительно, поскольку до недавнего времени только в этих регионах и проводился систематический сбор данных. В 1998 году на прошедшем в Кейптауне всемирном симпозиуме специалистов по испанскому гриппу, приуроченном к 80-й годовщине пандемии, было официально признано, что к тому времени практически ничего не было известно о том, как она протекала на огромных пространствах планеты, в частности в Южной Америке, на Ближнем и Среднем Востоке, в Советской России, Юго-Восточной Азии и материковом Китае. Но ведь ограничение ареала доступной статистики лишь Европой и Северной Америкой приводит к искажению общей картины как минимум по двум причинам. Во-первых, в двух этих высокоразвитых частях света уровни смертности были значительно ниже глобальных средних показателей, следовательно, и опыт европейцев и североамериканцев нельзя считать типичным. А во-вторых, к 1918 году и там, и там ощущались тяжелейшие последствия мировой войны, опустошившей Европу. И уж где-где, а на Европейском континенте именно война была главным событием. Во Франции война унесла в шесть раз больше жизней, чем «испанка», в Германии – в четыре раза, в Великобритании и Италии – вдвое больше. Однако на *остальных континентах* (за вычетом разве что Антарктиды, которую обе катастрофы никак не затронули за отсутствием народонаселения) грипп унес больше жизней, чем война. На время написания этой книги – почти через двадцать лет после саммита в Кейптауне и накануне столетней годовщины катастрофы – появилась возможность приступить к реконструкции происходившего и в тех частях света, которые до этого столь долго оставались белыми пятнами.

В данной книге взят на вооружение иной подход к изложению рассказа о гриппе – в движении от предыстории к 1918 г., от глобального к человеческому, от вируса к идее и обратно. В самой сердцевине повествования – история появления испанского гриппа, его стремительного и опустошительного шествия по планете и схождения на нет этой губительной волны, оставившей после себя человечество кардинально преобразованным. Однако повествование время от времени приостанавливается, чтобы дать нам возможность повнимательнее посмотреть, что именно разделяет, а что объединяет различные человеческие сообщества в плане восприятия и переживания реалий пандемии. В 1918 году у этнических итальянцев Нью-Йорка, эскимосов-юпиков Аляски и персов из священного города Мешхед если и было что-то общее между собой помимо принадлежности к человеческому роду, так это вирус, и в каждой местности именно культурные и прочие факторы формировали человеческие впечатления от встречи с ним. Соответственно, предлагаемая серия портретных зарисовок как раз и помогает нам отследить, как именно разворачивалась катастрофа в обществах, расположенных в различных уголках земного шара, и подчеркнуть сугубо социальную природу пандемии.

Эти портреты проливают свет на ранее покрытую крошечным мраком ситуацию в тех частях света, где 1918 год воспринимался исключительно как год страшного мора, а не как год окончания войны. Естественно, картины творившегося на местах из этих портретов складываются не исчерпывающие, а скорее мозаичные, поскольку миллионы историй так и остаются нерассказанными, отсюда и лакуны. Можно с уверенностью утверждать, что не только в Рио-де-Жанейро за спадом эпидемии последовали массовые оргии и всплеск рождаемости и не в одной лишь Одессе практиковались архаичные религиозные ритуалы с целью отвести от себя гнев божий. Не одни лишь индусы на время пошли на нарушение строгих социальных границ между кастовыми сословиями ради взаимопомощи, и не только в Южной Африке люди с одним цветом кожи возлагали всю вину за бедствие на людей с другим цветом кожи. Епископы римско-католической церкви, возможно, и тратили силы зря, пытаясь сдержать распространение заразы по всей Испании молитвами, зато миссионеры-католики зачастую оказывались единственными, кто способен был принести хоть какое-то облегчение жителям удаленных сельских районов материкового Китая. На все эти и другие случаи, однако, распространяется единственная неперемнная оговорка: в роли рассказчиков всякий раз выступают европейцы.

История испанского гриппа рассказана в частях второй–шестой этой книги. Но она встроена в канву более долгой истории сосуществования человека и гриппа, где рассказано о том, какую совместную эволюцию они претерпели за 12 000 лет. Соответственно, часть первая, «Крепость без стен», повествует об истории всевозможных эпидемий с античных времен вплоть до 1918 года, а часть седьмая, «Мир после гриппа», посвящена исследованию последствий пандемии испанского гриппа, которые можно наблюдать и по сегодняшний день. Поскольку человек и грипп так и продолжают эволюционировать в неразрывной связи друг с другом, часть восьмая, «Наследие рядового Роско», заглядывает в будущее и рассматривает перспективы человечества в будущих сражениях с неизбежными пандемиями гриппа, потенциальные новые средства борьбы с вирусом и проблемы, которые могут стать нашей ахиллесовой пятой. Совокупность этих рассказов воссоздает исчерпывающую биографию гриппа как неотвязного спутника человека, равно как и историю человечества, бусинами событий нанизанную на *le fil conducteur*¹⁰ гриппа. В послесловии затронуты вопросы специфики общечеловеческой памяти: почему после столь глубокого потрясения, пережитого человечеством всего столетие назад, мы не без основания называем эпидемию «испанки» «давно забытой»?

Часто говорят, что Первая мировая война убила романтическую веру в научно-технический прогресс... Ну а как иначе-то было расценивать достижения прикладной науки, оказавшей всемерное содействие налаживанию промышленного производства смертоносного оружия всех мыслимых видов и не сподобившейся сделать хоть что-то для предотвращения еще более смертоносной пандемии испанского гриппа? Грипп разрушил и по-новому слепил из останков человеческие популяции куда радикальнее, чем что-либо еще со времен «Черного моря». Он повлиял на ход Первой мировой войны и, не исключено, внес свою лепту в развязывание Второй. Индию грипп приблизил к обретению независимости, Южную Африку толкнул на путь апартеида, а Швейцарию поставил на грань гражданской войны. Он вывел на авансцену истории человечества общедоступное здравоохранение и нетрадиционную медицину, любовь к свежему воздуху и занятиям спортом, и он же, как минимум отчасти, повинен в одержимости художников XX века исследованием мириад мыслимых и немыслимых путей, ведущих человека к гибели, в том числе и через саморазрушение. «Не исключено» и «вероятно» – неотъемлемые присказки ко всему, что связано с обсуждением пандемии «испанки» 1918 года, поскольку тогда попросту не существовало достоверных методов диагностики гриппа, а значит, мы, строго говоря, даже не имеем права утверждать что это был именно грипп, как не можем быть на 100 % уверены и в том, что «Черный мор» в XIV веке был вызван именно возбудителем бубонной (или, как вариант, легочной) чумы. Что неоспоримо, так это огромный вклад пандемии 1918 года в ускорение темпов изменений, пришедшихся на первую половину XX века и формирование облика современного мира. Если все вышесказанное истинно, то как мы вообще дошли до того, что по-прежнему продолжаем взирать на пандемию «испанки» как на примечание мелким шрифтом к истории Второй мировой войны? У нас что, действительно память отшибло? Теренс Рейнджер, кстати, именно так и считал, но, доживи он до наших дней, возможно, и воздержался бы от повторения столь категоричного заявления. Если так, то спасибо за это следует сказать всем тем, кто в последнее время занялся обширными и всесторонними исследованиями вопроса в масштабах планеты. Об испанском гриппе больше нельзя говорить без учета веского мнения ученых всех профилей, включая историков, естественников, гуманитариев и социологов. Наука теперь рассказывает нам всю сказку от начала и до порога, отделяющего прошлое от будущего, перепавав просторы предистории, казавшиеся пустошью, а обернувшиеся сокровищами незримых писем, расшифровка которых дает золотые горы понимания не только событий 1918 года, но и многого из того, что случилось впоследствии. Историки делают все возможное, чтобы хоть как-то прочесть скрижали прошлого,

¹⁰ Токопроводящая нить (фр.).

а ученые заняты тем, чтобы пролить на них свет с точки зрения современных представлений. Пройдет еще сто лет, и естественно-научный и исторический подходы к познанию к тому времени сами по себе преобразятся настолько, что, возможно, даже появится и такая дисциплина, как «научная историология», где гипотезы относительно прошлого будут проверяться на достоверность посредством компьютерного моделирования с использованием банков данных исторических событий¹¹. Такого рода подход, вероятно, произведет настоящую революцию в понимании нами столь сложных и многогранных явлений, как пандемии. А пока математические методы исторических исследований пребывают в зародышевом состоянии, мы можем быть уверены лишь в одном непреложном факте: к двухсотлетию пандемии 1918 года историки непременно найдут, чем заполнить множество пробелов в наших знаниях о хронологии развития событий, а ученые с еще большим блеском научатся проливать свет на причины того, что разрыли историки.

¹¹ L. Spinney, 'History lessons', New Scientist, 15 October 2016, pp. 38–41.

Часть первая

Крепость без стен

Маски для защиты от гриппа. Дорожный «полицейский» в марлевой маске, Нью-Йорк (Национальный архив США).

Глава 1

Кашель и насморк

В 412 году до н. э., перед самым зимним солнцестоянием, жителей древнегреческого города-порта Перинфа, расположенного на северном побережье Мраморного моря, начал душить кашель. Жаловались перинфяне и на другие болезненные симптомы – боль в горле и трудности с глотанием, насморк, ломоту в суставах, отнимающиеся ноги, потерю ночного зрения. Пользовал же там больных сам Гиппократ, который и оставил потомкам подробное описание вышеперечисленных симптомов «перинфского кашля», ставшее первым в Европе документальным свидетельством эпидемии острого воспалительного заболевания, скорее всего, вирусной природы, не исключено, что и гриппа.

Всего лишь «не исключено» по той причине, что некоторые симптомы для гриппа нетипичны, в частности, потеря способности видеть в густых сумерках и паралич конечностей. Их присутствие в описании клинической картины озадачивало историков медицины, пока они не поняли, что все дело в иной, нежели современная, трактовке Гиппократом самого понятия «эпидемия». На самом деле именно Гиппократ первым начал употреблять существительное ἐπιδήμια, которое производится от прилагательного ἐπιδήμιος (в буквальном переводе «принародный»), в качестве медицинского термина. До него «эпидемией» называли все, что охватывает страну или распространяется по ней, – от густого тумана до гражданской войны. Гиппократ же окрестил «эпидемией» именно массовую заболеваемость, а саму болезнь описывал уже сообразно такой трактовке, без разбора включая в общий ряд все симптомы и патологии, какие только наблюдались среди местных жителей.

Древние греки вообще-то считали болезни явлением духовного порядка, а именно – карой за проступки перед олимпийскими богами. Соответственно и целители у них были отчасти жрецами, отчасти волшебниками, и роль их по большей части сводилась к тому, чтобы умилостивить гневливых небожителей молитвами, закланиями и жертвоприношениями. Гиппократ же настаивал на телесной природе болезней и способности человека узреть их корень путем наблюдения за симптомами, проявляющимися у пациента. Он и его ученики ввели систему классификации болезней, и Гиппократа нередко почитают чуть ли не за отца всей современной медицины, ведь именно он ввел в обиход такие основополагающие для нее понятия, как диагностика и лечение (да еще и основу кодекса врачебной этики сформулировал в лаконичной клятве Гиппократа, которую и сегодня обязаны приносить свежее испеченные врачи, и принцип «не навреди» принято приписывать именно ему).

Гиппократ считал болезнь результатом нарушения баланса между четырьмя «темпераментами», каждый из которых обуславливается соответствующим ему «соком», циркулирующим в человеческом организме, – черной желчью, желчью, слизью и кровью. Если ты вял и сонлив, в тебе слишком много слизи и тебе показано лечиться обильным употреблением в пищу цитрусовых. Греческий врач Гален, живший и практиковавший в Риме на 500 лет позже Гиппократа, доработал эту модель до совершенства, предположив, что всех людей можно и вовсе классифицировать по четырем типам сообразно с доминирующим в них соком и темпераментом. С тех пор черная желчь (μέλαινα χολή по-гречески) стала именем нарицательным для меланхоликов, просто желчь (χολή) – для непоседливых холериков, слизь (φλέγμα) – для невозмутимых и неторопливых флегматиков, а кровь (sanguis по-латыни) – для деятельных оптимистов-сангвиников. Названия темпераментов так и сохранились до наших дней, в отличие от породившей их теории обусловленности темперамента физиологическими жидкостями и секретами. А ведь учение Галена господствовало в европейской медицине вплоть до XIX века, а его соображения о том, что «миазмы» отравленного воздуха или зловонных

испарений вызывают психоэмоциональную разбалансировку темпераментов, кое-где оставались популярными и в XX веке.

Не выдержало проверку временем и данное Гиппократом определение понятия «эпидемия». Для него эпидемией являлась вся совокупность симптомов, проявляющихся у людей в данном месте в тот отрезок времени, на протяжении которого население массово болеет. При такой трактовке различий между заболеваниями разной природы не делается. Впоследствии же под эпидемией стали понимать сначала вспышку какого-то одного заболевания, затем заболевания, вызываемого одним и тем же микробом, затем одним и тем же штаммом микроба, но этот процесс уточнения и детализации начался лишь в Средневековье, когда чудовищные чумные моры заставили медиков заняться переосмыслением классификации болезней. Таким образом, в современном понимании, жители Перинфа, вероятно, страдали кто гриппом, кто дифтерией, кто коклюшем, а кто и двумя-тремя из этих заболеваний сразу, что и не удивительно, если допустить, что иммунитет у них был ослаблен из-за авитаминоза, ведь никому до нашей эры и в голову прийти не могла мысль о пагубности дефицита витаминов А и С в рационе и в организме.

Ну а нам-то какое дело до вспышки предположительно гриппа, случившейся в Древней Греции 2400 с лишним лет тому назад? А такое, что если гипотеза верна, то мы получаем представление о том, насколько долго грипп преследует человечество, и некоторые указания на причины, сделавшие его инфекционным заболеванием номер один по частоте повторения эпидемий. Чем больше мы будем знать о его истоках, тем лучше сможем вычленять факторы, определяющие сроки, масштабы и тяжесть вспышек. Это помогло бы нам и найти объяснения разразившейся в 1918 году пандемии, и предсказывать будущие эпидемии гриппа.

При этом далеко не факт, что «перинфский кашель» стал первой в истории эпидемией гриппа. Хотя в летописях до 412 года до н. э. нет ни единого упоминания о подобных напастях, это вовсе не означает, что нам нечего сказать о гриппе в более ранние времена, вплоть до доисторических. Вирусы, подобно людям, несут в себе информацию о своем происхождении. И мы, и они – живые носители записей о своем эволюционном прошлом. Взять, к примеру, человеческий копчик (он же хвостцовая кость). Этот рудимент унаследован нами от прыгавших по деревьям предков-приматов. После того, как наши человекообразные пращуры перешли к наземному образу жизни, особая надобность в хвосте отпала, а естественный отбор позаботился о том, чтобы чаще выживали особи, у которых еще на стадии внутриутробного развития срабатывал биохимический сигнал к прекращению роста хвостовых позвонков до того, как они успели развиться в полноценный хвост. Редко-редко, но случаются сбои, сигнал «стоп» не срабатывает, и рудимент разрастается до атавизма. В современной медицинской литературе описано около пятидесяти случаев рождения детей с хвостиками, – вот вам и наглядное подтверждение происхождения человека от обезьяны.

У вируса гриппа нет ни хвостика, ни копчика, но есть другие ключики к расшифровке его генеалогии. Начнем с того, что вирус – совершеннейший паразит в том смысле, что он попросту нежизнеспособен сам по себе, вне организма его носителя или «хозяина». И самовоспроизводиться он может, лишь проникнув в клетку ткани хозяина и взломав репродуктивный аппарат этой клетки. Затем отпрыски этого вируса должны покинуть гостеприимную клетку и инфицировать соседние. Если им это сделать не удастся, вирус испускает дух вместе с первично инфицированной клеткой носителя, и на этом весь грипп, собственно, и заканчивается. В точности так же, как выживание наших далеких предков зависело от их способности цепко и размашисто перекидывать тело с ветки на ветку и с дерева на дерево, выживание вируса гриппа всецело зависит от его способности перепрыгивать с клетки на клетку и от инфицированного к инфицируемому организму. И тут наша повесть о гриппе вдруг принимает весьма интригующий оборот, ведь действительно, поскольку вирус гриппа типичный паразит, то его выживание зависит не только от его собственного поведения, но и от *поведения носителя*. И

хотя долгое время ученые оставались в полном неведении относительно темного прошлого вируса гриппа, они были худо-бедно осведомлены о том, что делали и как жили люди задолго до 412 года до н. э.

Грипп передается от человека к человеку воздушно-капельным путем – с мельчайшими брызгами инфицированной слизи, рассеиваемыми нами вокруг себя при каждом кашле и чихе. Мокрота и сопля весьма эффективное средство доставки вирусных боеголовок, но лишь в ближнем бою, ибо в аэродинамической трубе их явно не испытывали, и дальше чем на метр-другой от себя их не запустишь при всем желании. Следовательно, гриппу для эффективного распространения требовалось, чтобы люди жили как можно более скученно. Эврика! Это же ключевой момент, настоящее прозрение: люди далеко не всегда жили так плотно друг к другу. На протяжении большей части истории человечества люди, будучи охотниками и собирателями, напротив, рассредоточивались. Все изменилось около 12 000 лет тому назад, когда какому-то охотнику где-то на просторах Евразии пришло в голову возвести частокол вокруг отловленной пары диких животных – барана и овцы – и заняться их разведением в неволе, иными словами, скотоводством. Параллельно с этим и собирателям надоело шляться по лесам и полям, началось одомашнивание растений, развилось земледелие, а по совокупности две эти тенденции как раз и дали тот эффект, что земля с тех пор оказалась способной прокормить на порядок больше селившихся бок о бок людей, чем те и не преминули воспользоваться – и стали сбиваться во все более плотные общины, дабы состязаться, сотрудничать и в целом являть миру все премудрости социализации. Однако революционный переход к земледелию и животноводству ознаменовал собой и начало новой эры не только в социально-экономических отношениях.

Переход к коллективному земледелию повлек за собой всплеск ранее неведомых человеку так называемых «массовых заболеваний», обусловленных именно скученностью, – кори, оспы, туберкулеза, гриппа. Люди во все века были подвержены инфекционным заболеваниям – проказа и малярия были настоящими бедствиями задолго до сельскохозяйственной революции, – но лишь тем, возбудители которых были приспособлены к выживанию в малочисленных и разрозненных первобытных родоплеменных общинах. Хитрости этих микробов, позволявшие им процветать в столь скудных популяциях людей, включали способность повторно инфицировать ранее переболевших в обход иммунной системы и пересидывать периоды безлюдья в так называемых «зоонозных резервуарах», проще говоря, в организмах животных-переносчиков. Обе стратегии гарантировали поддержание достаточного для выживания микроорганизма как вида пула восприимчивых носителей.

Массовые заболевания стали давать совсем иную эпидемиологическую картину. Они огненным вихрем обрушивались на популяции земледельцев и жестоко прореживали их, но у выживших при этом вырабатывался стойкий иммунитет на всю оставшуюся жизнь, исключавший всякую возможность реинфекции. Возбудители массовых заболеваний зачастую могли инфицировать и животных, но не столь эффективно, как человека, а некоторые приспособились ориентироваться на человека настолько избирательно, что превратились в виды, паразитирующие исключительно на особях *homo sapiens*. Таким видам для продолжения существования требовались скопления из тысяч или даже десятков тысяч потенциальных жертв – отсюда и понятие «массовое заболевание». До описываемой революции эпохи неолита возбудителям массовых заболеваний было бы просто не выжить, ну а после нее их эволюционные успехи начали расти как на дрожжах – пропорционально и даже с опережением темпов роста человеческих популяций.

Но если до зарождения земледелия и скотоводства им было не выжить, то откуда они вообще взялись? А все оттуда же – из зоонозных резервуаров. Нам известны патогенные микроорганизмы, которыми заражаются *только* животные. Некоторые разновидности малярии, к примеру, встречающиеся у птиц и рептилий, человеку не передаются. Известны нам и возбу-

тели, опасные и для животных, и для человека (вирус гриппа из их числа), и микроорганизмы, инфицирующие только человека, такие как, к примеру, возбудители кори, свинки и краснухи. По современным представлениям, насчитывается пять этапов превращения инфекционного заболевания, распространенного исключительно среди животных, в заболевание, поражающее исключительно человека. Точнее говоря, речь идет о пяти ступенях эволюции микроорганизма-возбудителя¹². Одни, такие как вирус кори, прошли весь путь; другие, подобно вирусу гриппа, находятся на промежуточной стадии. Только процесс эволюции у вирусов порою протекает просто-таки стремительно, буквально на глазах ученых, хорошей иллюстрацией чему служит вирус Эбола.

Геморрагическая лихорадка Эбола – вирусное заболевание, прежде всего, животных. Первичными естественными носителями вируса Эбола принято считать рукокрылых семейства крыланов. Эти летучие собаки и лисицы обитают в джунглях Африки и способны инфицировать других обитателей леса, включая ценную с точки зрения охотников мясную дичь (хотя бушмены и другие племена не брезгают употреблять в пищу и самих крыланов). До недавних пор лихорадка Эбола считалась практически не передающейся от человека к человеку: заразиться можно было только, к примеру, через инфицированное мясо дичи, но тот, кто подцепил ее таким путем, способен был заразить максимум пару-тройку близких, и «микровспышка» тут же угасала. Все резко изменилось в 2014 году, когда в Западной Африке разгорелась настоящая эпидемия, продемонстрировавшая, что вирус Эбола мутировал и обрел способность с легкостью передаваться от человека к человеку.

Не так-то просто возбудителю, скажем вирусу, перепрыгнуть межвидовой барьер. Точнее сказать, даже не «перепрыгнуть», поскольку о скачкообразном изменении и речи не идет, а «просочиться» сквозь этот барьер. Клетки одних и тех же тканей или органов у разных биологических видов устроены по-разному, и для проникновения в них вирусу требуются различные наборы отмычек. Каждый этап перехода к статусу возбудителя заболевания человека сопровождается весьма специфическим набором изменений на молекулярном уровне, причем приобретаются эти изменения, по сути, методом простого перебора вариантов. Вирусу с большой вероятностью потребуется превеликое множество циклов репродукции, прежде чем случится мутация, позволяющая взламывать клетки нового носителя. А если к тому времени вирус к тому же обретет на пути проб и ошибок хорошую эволюционную форму, то вскоре он научится еще лучше инфицировать людей и самовоспроизводиться во все больших количествах, – и тогда естественный отбор прочно закрепит удачное изменение (а неудачные отбракует). Затем могут последовать другие эволюционные изменения, и по их совокупности вирус приблизится еще на шаг к статусу возбудителя массового заболевания человека.

Основным естественным резервуаром вируса гриппа считаются птицы, прежде всего водоплавающие. Самая большая засада тут в том, что пернатые целого ряда видов выступают в роли разносчиков заразы, сами ничуть от нее не страдая. Носители и вирус настолько сжились и притерпелись друг к другу в процессе совместной эволюции, что вирус наматывает круги биологического цикла размножения в организме носителя без особого ущерба для последнего и бессимптомно, не вызывая явных патологических изменений или иммунных реакций. Утки, к примеру, бывают буквально напигованы вирусом гриппа, и при этом у них не наблюдается ни малейших признаков или симптомов заболевания. А ведь после сельскохозяйственной революции именно утки оказались в числе первых одомашненных видов птицы, которыми крестьяне буквально наводнили свои подворья. То же самое касается и свиней, которые считаются потенциальным промежуточным звеном в цепи передачи изначально птичьей болезни человеку, поскольку на клеточном уровне у свиней наблюдается ряд сходств как с человеком,

¹² N. D. Wolfe, C. P. Dunavan and J. Diamond, 'Origins of major human infectious diseases', *Nature*, 17 May 2007; 447(7142):279–83.

так и с утками. Тысячелетиями живя бок о бок, эта троица обеспечивала вирус идеальными лабораторными условиями для экспериментов по преодолению межвидового барьера. Поначалу грипп передавался людям плоховато, но со временем вирус накопил достаточный молекулярный инструментарий для того, чтобы сделаться острозаразным, и в один не самый прекрасный день локальная вспышка переросла в первую в истории человечества полномасштабную эпидемию гриппа.

«Эпидемия» тут понимается в современной трактовке – как резкий и часто неожиданный всплеск заболеваемости данной популяции в результате инфицирования конкретным возбудителем. На противоположном полюсе спектра лежат так называемые «эндемические» инфекционные заболевания, очаги которых, напротив, тлеют в местной популяции постоянно. Массовое заболевание может быть и эндемическим, а не только эпидемическим, если происходит внезапный всплеск распространения инфекции, постоянно присутствующей в регионе. Тут мы, следует признать, сталкиваемся с размытостью границ между двумя этими понятиями. Ведь можно, к примеру, считать сезонные всплески легко протекающего гриппа эндемической формой этой болезни, а термин «эпидемия» приберечь для новых штаммов, вызывающих более острые и тяжелые формы заболевания, хотя далеко не все согласятся с такой трактовкой.

Письменными свидетельствами о первых в истории эпидемиях новых для человека массовых заболеваний мы не располагаем, но последствия их, вероятно, были убийственными (подтверждением чему эпидемия лихорадки Эбола 2014 года, которая даже и на звание «массового заболевания», если честно, никак не тянет). Мы, к примеру, знаем, что натуральной, или черной оспой, одной из самых смертоносных массовых болезней, страдали еще древние египтяне, жившие за 3000 лет до нас, свидетельство чему – их мумии с изъеденными оспинами лицами, однако первое письменное свидетельство об эпидемии оспы (и то не факт, что речь идет именно о ней) датировано лишь 430 годом до н. э., когда современник Гиппократа, летописец Фукидид, живописал словами нагромождения изъязвленных трупов в афинских храмах.

Но когда же в действительности случилась первая эпидемия гриппа? Почти наверняка никак не раньше, чем 12 000 лет тому назад, и едва ли позже, чем за 5000 лет до нас, поскольку к тому времени уже были возведены первые города, создавшие идеальные условия для распространения вирусной заразы. Последствия этого, надо полагать, были чудовищными. Нам это трудно себе представить, поскольку сегодня грипп отнюдь не считается смертельно опасным заболеванием. Но ведь и в наши дни каждый гриппозный сезон для некоторой, пусть и незначительной, части инфицированных оборачивается балансированием на грани жизни и смерти. У тех, кому не посчастливилось заполучить острый респираторный дистресс-синдром (ОРДС), спирает дыхание, резко падает артериальное давление, цвет кожи лица приобретает синюшный оттенок, и без срочной реанимационной помощи им, скорее всего, не выжить. В отдельных случаях развивается еще и открытое легочное кровотечение, из-за которого несчастные буквально исходят кровью через носоглотку и захлебываются ею. Так вот: ОРДС как раз и позволяет нам краешком глаза заглянуть в прошлое и увидеть, какую кровавую баню первые эпидемии гриппа устраивали нашим далеким предкам.

Летописных подтверждений этому нет (полноценная письменность появилась лишь около 3500 лет тому назад), поэтому доподлинно о том, что там происходило, нам не известно, но, судя по археологическим данным, шумерский город Урук, стоявший в доисторические времена на северном берегу Евфрата, который арабы позже на свой лад называли Аль-Ирак, откуда и современное название страны, где он расположен, – самый вероятный кандидат на роль жертвы древнейшего гриппозного мора. Достаточно сказать, что 5000 лет тому назад Урук был крупнейшим и самым густонаселенным городом мира. Просто представьте себе эту картину: 80 000 жителей теснятся за высокими городскими стенами в загоне площадью 6 км² (всего в два раза больше лондонского Сити). Имунитета от гриппа нет ни у кого. Никто никому не в помощь. Очень многие, вероятно, не пережили первой эпидемии. Были навер-

няка и последующие эпидемии, но они, скорее всего, протекали помягче: даже если штаммы вируса всякий раз отличались от предыдущих, все-таки грипп он и есть грипп, и с каждой новой эпидемией иммунитет у выживших только укреплялся. И мало-помалу сезонные эпидемии гриппа стали все больше походить на современные, хотя смертность, конечно, оставалась крайне высокой по нынешним меркам.

«От других вещей есть возможность оградить себя и знать, что ты в безопасности, – писал в III веке до н. э. греческий философ Эпикур, – но когда доходит до мора, все мы, человеческие существа, оказываемся жителями города без крепостных стен»¹³. Сделавшись заболеванием человека, грипп сразу же принялся активно вмешиваться в ход истории человечества, – и началось это задолго до Гиппократов, давшего (вероятно) первое его описание. Ведь далеко не факт, что Гиппократ описал именно грипп в современном понимании. Ведь мало того что с тех пор кардинально изменилось наше понимание того, что такое «эпидемия» и «заболевание», так еще и сама болезнь успела не раз поменять название вслед за нашими представлениями о ее причинах. Вдобавок ко всему грипп легко спутать с другими острыми респираторными заболеваниями – от банальной простуды или ОРВИ до столь серьезных инфекционных болезней, как тиф и лихорадка денге, начинающихся с похожих на грипп симптомов.

Аккуратно ступая между смысловых ловушек, расставленных коварным временем среди слов древних летописей, историки тем не менее выдвигают гипотезу, что именно грипп был той «чумой», которая опустошила в 212 году до н. э. осажденные римскими легионами сицилийские Сиракузы, выкосив заодно и осаждавших. «Каждый день похороны и смерть, днем и ночью повсюду рыдания, – писал Тит Ливий в «Истории Рима от основания города». – В конце концов люди до того привыкли к этому бедствию, что не только не провожали умерших, как подобает, слезами и воплями, но не выносили трупы и не хоронили их: бездыханные тела валялись перед глазами ожидавших той же участи. Мертвые умерщвляли больных, больные здоровых – страхом, заразой, тлетворным запахом»¹⁴. Возможно, именно ОРВИ бушевала в начале IX века в войсках Карла Великого, скрываясь за псевдонимом *febris Italica*¹⁵. Вероятные эпидемии гриппа регулярно фиксировались в Европе хроникерами XII века, но первое по-настоящему достоверное описание таковой появилось лишь в середине XVI столетия. В 1557 году, на закате недолгого правления королевы Англии Марии I, эпидемия истребила 6 % ее подданных-протестантов – явно больше, чем эта ярая католичка, вошедшая в анналы истории под прозвищем Мария Кровавая, осмелилась бы сжечь на кострах¹⁶.

На XVI век пришелся и самый разгар эпохи великих географических открытий. Корабли европейцев во множестве прибывали в Новый Свет и вместе с первооткрывателями и колонизаторами привозили туда новую для местного населения заразу. Иммунитета к европейским возбудителям у американских индейцев не было ни малейшего, поскольку ни единой из серии свирепых, но раз за разом все менее смертоносных эпидемий зоонозного происхождения они там у себя до этого не перенесли. Фауна Нового Света хуже поддавалась одомашниванию, и многие племена аборигенов продолжали промысливать охотой и собирательством. Скорее всего, грипп в Новый Свет первым завез еще Христофор Колумб со своей второй экспедицией, поскольку после его остановки в 1493 году на Антильских островах эпидемия выкосила там большую часть коренного индейского населения. В целом тот год для местного карибского населения обернулся таким же кошмаром, какой за тысячелетия до этого пережили жители месопотамского Урука, правда, на этот раз имелась и легко перенесшая грипп на ногах обособленная группа, а именно – сами конкистадоры.

¹³ Epicurus, Vatican Sayings (31-е из 81 приписываемых Эпикуру и эпикурейцам высказываний, хранящихся в Библиотеке Ватикана в датированном XIV в. списке).

¹⁴ Тит Ливий. История Рима от основания города. Том II (XXV.9-11). – М.: Ладомир, 2002.

¹⁵ Итальянская лихорадка (лат.).

¹⁶ Сама Мария I Тюдор умерла в ноябре 1558 года на 43-м г. жизни в результате второй волны эпидемии.

Историки долгое время игнорировали роль инфекционных заболеваний в развитии событий, которые исследовали и описывали, и даже не подозревали, вероятно, о том, насколько сильно и резко те изменяли соотношение сил на местах, выборочно поражая лишь одну из противоборствующих сторон. Вплоть до XX века европейские историки, повествуя о молниеносном покорении Эрнаном Кортесом Ацтекской империи, располагавшейся на территории современной Мексики, обычно ни словом не упоминали о том факте, что «покорять» испанцам никого особо и не пришлось – всю грязную работу за них проделала завезенная ими в те края черная оспа¹⁷. Вот и грипп для европейцев к тому времени был лишь досадной, но привычной помехой, неизбежным крестом, который год от года приходилось нести на себе в холодные и темные зимние месяцы. Им и в голову не приходило, какой ужас вселяют приносимые ими с собою моры в сердца аборигенов обеих Америк, Австралии и Океании и насколько неразрывно неминуемая смерть ассоциируется в их сознании с пришествием страшного белого человека. «Бытует среди них поверье, перешедшее в последние годы в незыблемое убеждение, что с тех пор, как зачастили к ним в гости белые люди, неизмеримо участились и сделались смертоноснее, чем когда бы то ни было прежде, и эпидемии инфлюэнцы, – писал один европеец, посетивший в XIX веке остров Танна архипелага Новые Гебриды, что ныне входит в состав Республики Вануату. – И ведь не только на Танне нас так воспринимают, а, не побоюсь ошибиться, на всех бесчисленных островах, разбросанных по бескрайним просторам Тихого океана!» Историки намеки поняли, ошибку осознали, оперативно перестроились и стали именовать массовые заболевания не иначе как «пагубным наследием империализма и колониализма»¹⁸.

Но тут в работу включились палеоклиматологи – и быстро поставили социальных историков на место, указав им на главную их ошибку. Палеоклиматология – наука, пытающаяся понять, каким был климат в древности и почему именно он был таким по результатам изучения осадочных пород, окаменелостей, годовых колец деревьев и прочих вторичных признаков. Выяснив, к примеру, что на закате древнеримской эпохи имело место глобальное похолодание, они предположили, что Юстинианова чума – чудовищная пандемия бубонной чумы, разразившаяся в VI веке н. э. и унесшая около 25 млн жизней только в Европе и Малой Азии¹⁹, – привела к тому, что заброшенные поля по всему миру заросли лесом, который подчистую «выел» из атмосферы углекислый газ, полностью устранив «парниковый эффект», из-за чего планета и остудилась до рекордно низких температур (это, кстати, на заметку современным борцам с углеродным следом и глобальным потеплением).

Аналогичным образом волны массового мора, обрушившиеся на Новый Свет с прибытием туда экспедиций Кортеса, Франциско Писарро (завоевателя империи инков на территории современного Перу) и Эрнандо де Сото (зачинателя колонизации территории современных США), проредили аборигенное население обеих Америк настолько сильно, что это может считаться одной из причин наступления Малого ледникового периода²⁰. Обратить этот климатический сдвиг вспять человечеству удалось лишь в XIX веке, когда массовый приток европейцев привел к быстрому восстановлению площади расчищенных от леса под сельхозугодья американских земель. Малый ледниковый период стал, вероятно, последним случаем, когда пандемия повлияла на климат (пока что). Дело в том, что последующие пандемии уже не приводили к столь резкому сокращению площади обрабатываемых человеком земель в силу повышения уровня механизации труда в сельском хозяйстве в сочетании с экспоненциальным ростом наро-

¹⁷ W. H. McNeill, *Plagues and Peoples* (Garden City: Anchor Press/ Doubleday, 1976), p. 2.

¹⁸ D. Killingray, 'A new «Imperial Disease»: the influenza pandemic of 1918–19 and its impact on the British Empire', paper for the annual conference of the Society for Social History of Medicine, Oxford, 1996.

¹⁹ В общей сложности эта пандемия включала более двадцати волн, характеризовалась невероятным разнообразием штаммов чумной палочки (*Yersinia pestis*), продолжалась вплоть до второй половины VIII в., унесла жизни порядка 100 млн человек, породила ислам и прорубила хронологическую просеку между Античностью и Средневековьем в истории человечества.

²⁰ W. F. Ruddiman, *Earth Transformed* (New York: W. H. Freeman, 2013), ch. 21.

донаселения, на фоне которого и десятки миллионов смертей к заметному (по крайней мере палеоклиматологам) снижению содержания углекислого газа в атмосфере не приводили.

Что до гриппа, то первая его настоящая пандемия (то есть эпидемия, охватившая больше одной части света) датируется 1580 годом. Начавшись предположительно в Азии, она перекинулась на Африку и Европу, а затем (вероятно, но точно не подтверждено) и на Америку. Здесь важно сделать оговорку. Определить первичный очаг и маршруты распространения гриппа по планете через столетия после пандемии не просто и, как мы еще увидим, любые категорические заявления историков о географическом происхождении вируса следует воспринимать настороженно. Особенно это относится к наметившейся самое позднее в XIX веке склонности европейцев, некогда наславших мор на Новый Свет, считать, что всякую новую заразу им приносит недобрый ветер, дующий из Китая или, как альтернативный вариант, с молчаливых просторов евразийских степей.

В современной литературе предполагается, что первая пандемия гриппа прокатилась по Европе с севера на юг за шесть месяцев. В Риме было зафиксировано около 8000 летальных исходов, то есть смерть в буквальном смысле взыскала с римлян «десятину» душами, унеся жизнь каждого десятого жителя Вечного города. Такая же судьба постигла и несколько испанских городов²¹. Затем последовал антракт длиной в два с лишним века, а после него в XVIII столетии – две пандемии гриппа. На пике второй из них, пришедшемся на 1781 год, в Санкт-Петербурге тяжело заболело по 30 000 человек в сутки. К тому времени люди привыкли называть грипп звонким итальянским именем «инфлюэнца»²². Отчеканил его кто-то из особо остроумных итальянцев еще в XIV веке, как бы намекая на «влияние» небесных светил на человеческие судьбы, но повсеместно оно прижилось лишь столетиями позже. Так оно у нас и сохранилось, ясное дело, хотя, как и в случае с описаниями характеров – «меланхолик», «флегматик» и т. д., – заложенный в основу этого слова глубинный смысл давно улетучился.

Но настоящий расцвет массовых заболеваний пришелся на XIX столетие, когда их возбудители достигли, можно сказать, зенита своего эволюционного успеха и установили господство над всей планетой. А все дело в том, что это был век промышленной революции и сопровождавшей ее бурной урбанизации, наблюдавшейся практически повсеместно во всех частях света. Появившиеся во множестве крупные города сделались идеальным рассадником массовых заболеваний, которые выкашивали горожан настолько стремительно, что те не успевали восполнять убыль посредством самовоспроизводства, и городам требовался постоянный приток молодых и здоровых крестьян из сельской местности. Войны также влекли за собой эпидемии. Вооруженный конфликт обрекает людей на голод и тревогу, срывает с насиженных мест и загоняет в антисанитарию полевых лагерей и к тому же лишает их доступа к медицинской помощи, поскольку подавляющее большинство врачей, фельдшеров и медсестер подлежат мобилизации. В результате мирное население оказывается крайне уязвимым перед лицом инфекции, а как только эпидемия разгорится, люди массово бегут от нее кто куда и разносят болезнь по городам и весям. В результате всех без исключения военных конфликтов XVIII–XIX столетий число умерших от всевозможных болезней превышало боевые потери сторон.

В XIX веке разразились две пандемии гриппа. Первая вспыхнула в 1830 году и, судя по дошедшим до нас описаниям, по тяжести протекания заболевания не уступала пандемии «испанки». Вторая пандемия так называемого «русского» гриппа началась в 1889 году предположительно в Бухаре (современный Узбекистан) и стала первой в истории, в ходе которой велся достаточно строгий учет заболеваемости и смертности, поскольку к тому времени ученые наконец-то открыли для себя, насколько мощным оружием в борьбе с болезнями является

²¹ C. W. Potter, 'A history of influenza', Journal of Applied Microbiology (2001), 91:572–9.

²² Калька с influenza – дословно «влияние» (итал.) – заимствованная в английском языке во втором значении этого слова – «грипп», хотя в полной форме обычно употребляется лишь в серьезной литературе, а в обиходе урезается до «flu».

статистика. Стараниями этих первых в истории эпидемиологов мы теперь доподлинно знаем и то, что русский грипп тогда унес около миллиона жизней, и то, что пандемия прокатилась по миру в три волны. Мягкая первая волна была лишь буревестником перед свирепой второй, после которой мягчайший – легче первого – третий вал показался чуть ли не штилем. У многих на фоне гриппозной лихорадки развивалась пневмония, которая чаще всего и приводила к летальному исходу, а еще эта зараза выкашивала не только и не столько стариков и детей, как это бывает при типичном сезонном гриппе, сколько людей в расцвете сил, в возрасте от 30 до 50 лет. Врачей также очень беспокоило, что у многих пациентов, благополучно переживших скоротечную острую фазу, затем развивались осложнения в форме различных нервных патологий и психических расстройств, включая депрессию. Одним из таких пациентов был, не исключено, и норвежский художник Эдвард Мунк, поскольку высказывались предположения, что его знаменитая и многократно им по-всячески заново писанная и переписанная картина «Крик» явилась именно что криком помутненного гриппом разума. Сам художник писал в дневнике: «Я шел по тропинке с двумя друзьями – солнце садилось, – неожиданно небо стало кроваво-красным, я приостановился, чувствуя изнеможение, и оперся о забор – я смотрел на кровь и языки пламени над синевато-черным фьордом и городом – мои друзья пошли дальше, а я стоял, дрожа от волнения, ощущая бесконечный крик, пронзающий природу»²³. Вот только писалось это уже по завершении пандемии и, как хотелось тогда надеяться, тысячекратней истории битвы человека с гриппом. В следующем-то, XX веке, казалось тогда, всесильная наука найдет управу на массовые заболевания и покончит с ними раз и навсегда²⁴.

²³ Quick Facts: Munch's The Scream (Art Institute of Chicago, 2013).

²⁴ По данным новейших исследований (см., например, doi:10.1016/S0262-4079(20)30862-9), вирусологи пришли к выводу, что возбудителем «русского» гриппа 1889–1890 гг. был не вирус гриппа А подтипа H3N8, как считалось до 2005 г., который служил лишь «фоном», а коронавирус человека OC43, передавшийся людям от крупного рогатого скота в результате редкой мутации как раз в те годы и к настоящему времени серьезной опасности для жизни и здоровья человека не представляющий в силу выработки стойкого популяционного иммунитета, и уверенно прочат такое же будущее «рядовой ОРВИ» аналогичному по патогенным характеристикам вирусу COVID-19, доведшему в 2020 г. до «крика» все человечество.

Глава 2

Монады Лейбница

Однако вышло так, что нам и в XXI веке приходится жить в мире, охваченном пандемией ВИЧ/СПИДа, и сама мысль о том, что наука способна навеки победить инфекционные заболевания, отдает бредом сумасшедшего. Но на заре XX столетия в это свято верили очень многие (по крайней мере на Западе). Главным основанием для столь наивного оптимизма служила главенствовавшая тогда в западной медицине «микробная теория», согласно которой чуть ли не все недуги являются следствием заражения организма человека теми или иными «болезнетворными бактериями». Поначалу, когда за два с лишним века до этого нидерландский оптик и натуралист Антони ван Левенгук изобрел и построил микроскоп, рассмотрел под ним каплю воды из ближайшего пруда и обнаружил, что она кишмя кишит всяческими микроорганизмами, научное сообщество даже умилилось многообразию форм жизни, сочтя всех этих одноклеточных безобидной эктоплазмой и даже не подозревая об их мощном болезнетворном потенциале. Лишь в середине XIX столетия Роберт Кох в Германии и Луи Пастер во Франции уловили взаимосвязь между микробами и болезнями – и премного преуспели на этом пути. Излишне перечислять все открытия обоих этих великих мужей, достаточно упомянуть, что будущий нобелевский лауреат Кох открыл названную его именем туберкулезную палочку, опровергнув общепринятое мнение, что чахотка у «поэтов и романтиков» передается по наследству, а Пастер и вовсе доказал несостоятельность гипотезы о возможности спонтанного возникновения живых организмов из неживой материи.

В сочетании с давно усвоенными идеями гигиены и санитарии микробная теория задала новый вектор борьбы со множеством массовых инфекционных заболеваний и положила начало их искоренению. Были развернуты мощные кампании за водоочистку и санитарию. Начались программы всеобщей обязательной вакцинации, хотя и не без сопротивления со стороны граждан, что и не удивительно, ведь малообразованным людям до сих пор претит мысль о том, что для защиты от неведомой заразы нужно позволить себе эту заразу привить. Так или иначе, все эти усилия принесли вполне конкретные результаты. Если во все века до этого число сопутствующих жертв болезней военного времени многократно превышало боевые потери воюющих сторон, то теперь эту пропорцию удалось перевернуть. Оружие стало более смертоносным, это да, но ведь и военврачи научились гораздо лучше справляться с инфекциями. Казалось бы, как-то даже неловко было в такой ситуации рапортовать об успехах, но именно в военно-полевых условиях медиками были впервые апробированы практические методы профилактики и лечения инфекционных заболеваний, разработанные исходя из микробной теории, и лишь затем их опыт просочился из военной медицины в гражданскую. Благодаря этому, кстати, города в начале XX века наконец-таки достигли заветного самовоспроизводства населения.

Вера в науку и рационализм в последние десятилетия перед Первой мировой войной, казалось, не знали границ. Восторг от открытия связи между бактериями и болезнями еще не схлынул, и ученые лихорадочно искали возбудителей всех и всяческих недугов, которыми только страдали люди. Илья Мечников, одержимый «бесом науки» русский, которого Пастер привлек к работе в своем парижском институте, даже сетовал, бывало, на то, что бактерии кругом сплошь старые знакомые. Нобелевскую премию в 1908 году Мечников получил за давнее открытие им фагоцитоза, механизма пожирания отвечающими за иммунитет кровяными тельцами-фагоцитами проникающих в человеческий организм вредоносных бактерий и спор. Он же, правда, высказал и гипотезу, согласно которой процесс старения обусловлен жизнедеятельностью «вредных» кишечных палочек, выделяющих токсины, способствующие развитию атеросклероза, чем навлек немало насмешек на свою голову. Со временем Мечников настолько уверовал в то, что сказочное долголетие болгарских крестьян, якобы массово доживавших до

ста с лишним лет, вызвано регулярным употреблением ими простокваши, что буквально помещался на этой идее и годами употреблял простоквашу на «полезной» болгарской закваске в неимоверных количествах вплоть до самой своей смерти в 1916 году в возрасте 71 года²⁵. (В наши дни считается, что в микрофлоре кишечника «вредные» бактерии отсутствуют как таковые, хотя бесполезных предостаточно, а полезные должны присутствовать обязательно, но в меру.)

Вирусы, однако, по-прежнему оставались загадкой. По-латыни *vīrus* значит «яд», «отрава», и к XX веку люди именно так любую вирусную инфекцию и воспринимали. В опубликованном в 1890 году романе «Трущобы» бразильский писатель Алуизиу Азеведу писал: «Бразилия – это такой ад, где каждый расцветающий бутон и каждая жужжащая падальная муха несет вирус разложения». Вероятно, он все-таки имел в виду все те же ядовитые миазмы, для красного словца назвав их «вирусом». Но ученые к тому времени начали ставить под вопрос такое определение. Что эти вирусы вообще собою представляют – токсины или микроорганизмы? Капли жидкости или твердые частицы? Живые они или мертвые? Первый вирус был открыт в 1892 году русским ботаником и микробиологом Дмитрием Ивановским при попытке выявить возбудителя «табачной мозаики», поражавшей листья табака. Собственно вирус Ивановский за отсутствием в то время микроскопов достаточного разрешения рассмотреть не мог, а просто установил экспериментальным путем, что имеется некий возбудитель этой болезни пасленовых, на порядки меньших размеров, чем все известные бактерии, а потому невидимый и неотфильтровываемый.

Все в том же 1892 году, когда русский грипп еще бушевал в Европе, а Ивановский открыл существование вирусов как явления, немецкий бактериолог Рихард Пфайффер, ученик Коха, объявил о выявлении бактерии – возбудителя гриппа. Да-да, именно *бактерии*, получившей название *Haemophilus influenzae*, или «гемофильной гриппозной палочки Пфайффера», и она действительно способна вызывать острые инфекции дыхательных путей, но только не пневмонии (таким образом, Пфайффер увековечил свое имя ошибочно данным бактерии названием не то в качестве предостережения будущим ученым, чтобы не слишком спешили с выводами, не то просто в порядке анекдота из истории науки). Но ведь никто тогда даже не подозревал, что грипп – порождение вируса, сущности настолько неуловимой, не поддающейся классификации и пребывающей за гранью зримого восприятия, что и в 1918 году никто о вирусной природе гриппа по-прежнему не подозревал. Фактически к 1918 году вирусы едва-едва успели отвоевать себе крошечный уголок в картине мира в восприятии естествоиспытателей, которые отнюдь не спешили обращать свои взоры в направлении этого закута. Во-первых, никто воочию этих вирусов не видел, а во-вторых, никаких тестов на их выявление не было и не предвиделось. Этих двух фактов более чем достаточно для понимания причин, по которым испанский грипп стал для мира столь сильным потрясением. Понимание случившегося начало приходить лишь после того, как пандемия схлынула, но и то не сразу, и к этому мы еще вернемся. Даже Джеймс Джойс в своем дотошном до мелочей модернистском романе «Улисс», вышедшем в 1922 году, писал: «Эпидемия ящура. Известен как препарат Коха. Сыворотка и вирус»²⁶, – и едва ли при этом имел больше представления о том, что такое вирус на самом деле, нежели Азеведу за тридцать лет до него.

Ученики Пастера и Коха тем временем настолько популяризовали микробную теорию заболеваний, что она повсеместно вытеснила представления Галена. Психологически переход к новому и весьма тревожному восприятию болезней дался очень непросто и был сопоставим разве что со сломом восприятия болезней, спровоцированным за две с лишним тысячи лет до этого Гиппократом, когда от людей также потребовалось объять необъятное и постиг-

²⁵ P. de Kruif, *Microbe Hunters* (New York: Harcourt, Brace & Co., 1926), pp. 232–3.

²⁶ *Ulysses*, 2:332–7. Рус. пер. цит. по: <http://www.james-joyce.ru/ulysses/ulysses-text.htm#2>.

нать непостижимое. Когда на Лондон в середине XIX века обрушились две волны холеры, жители города привычно списали их на зловонные миазмы, поднимающиеся от переполненной сточными водами Темзы. Однако, проделав блестящую работу сродни детективному расследованию и нанеся на карту города все выявленные случаи с летальным исходом, лондонский врач Джон Сноу вычислил источник заразы, – им оказалась конкретная водокачка в центре города, – а затем методом дедукции пришел к выводу, что холера разносится не по воздуху с миазмами, а распространяется с водой. Свое заключение Сноу опубликовал в 1854 году, но лишь после «Великого зловония» 1858 года, когда из-за аномально жаркого лета испарения от полной нечистот Темзы наполнили лондонский воздух невыносимым смрадом, городские власти наконец озаботились проектом общегородской канализации с очистными сооружениями, поручив его главному инженеру-строителю города Джозефу Базэлдкету. Обоснование? Нужно устранить миазмы, чтобы избавиться от холеры²⁷.

Микробная теория оказала глубокое влияние еще и на представления о персональной ответственности человека перед лицом болезней. Гиппократ, кстати, придерживался вполне современных взглядов на эту морально-этическую проблему. Люди, полагал он, сами повинны в своих болезнях, если ведут нездоровый образ жизни, предаются вредным привычкам или не соблюдают элементарных мер предосторожности, а вот возлагать ответственность за наследственные заболевания на тех, кто ими страдает, безнравственно и недопустимо. Однако и в этом случае у больных есть выбор. В качестве примера он приводит сыр: каждый волен включать или не включать его в свой рацион в зависимости от того, как этот продукт сказывается на здоровье человека в силу наследственности. «Сыр, – писал Гиппократ, – он ведь не всем людям вреден в равной мере; кто-то может набить им желудок под завязку без малейшего ущерба для себя, даже напротив, тем, чей организм его принимает, от сыра одна польза, ведь он чудесно укрепляет здоровье и силы. Другим же от сыра делается дурно»²⁸.

С наступлением Средневековья люди, однако, снова переложили ответственность за свое здоровье и болезни на богов (как вариант, на Всевышнего), после чего фатализм господствовал веками и никуда не делся даже с наступлением эры научно-технического прогресса. В 1838 году французская писательница Жорж Санд вывезла своего чахоточного возлюбленного Фредерика Шопена на Майорку в надежде на то, что благодатный средиземноморский климат облегчит страдания ее «бедного меланхолического ангела». На исцеление она никак не рассчитывала, поскольку в ее понимании легочный туберкулез был неизлечим. Не приходило ей в голову и то, что она сама рискует его подхватить от своего спутника. А ведь к тому времени мысль о том, что туберкулез заразен, уже носилась в воздухе вперемешку с палочками Коха, и по прибытии в Пальма-де-Майорку пара обнаружила, что местные жители, равно как и курортники, от них буквально шарахаются и дела с ними иметь не хотят. В письме кому-то из друзей взбешенная Санд писала, что их выставили из гостиницы всего лишь из-за того, что туберкулез «до крайности редок в этих широтах и, более того, – ты только представь! – считается заразным!»²⁹

В XIX веке верующие продолжали считать эпидемии Божьим промыслом или карой, а атеисты – стихийным бедствием, столь же неотвратимым, как и землетрясения. Микробная же теория заставила людей задуматься о том, что, возможно, им под силу взять распространение эпидемических заболеваний под свой контроль, и это откровение повлекло за собой появление ряда прорывных идей в биологии в целом. Прежде всего, в 1859 году Чарльз Дарвин опубликовал свою знаменитую книгу «О происхождении видов», в которой изложил основы теории

²⁷ Джон Сноу (1813–1858) уже не имел возможности указать лондонским властям на их заблуждение, поскольку скончался от инсульта 16 июня того года, т. е., в самом начале «Великого зловония».

²⁸ Hippocrates. Ancient Medicine.

²⁹ T. M. Daniel, 'The history of tuberculosis', Respiratory Medicine, 2006; 100:1862–70.

эволюции и естественного отбора. Причем сам Дарвин отнюдь не считал свои идеи применимыми к человеческим обществам, однако современники первым делом нашли им именно такое применение. Именно социальный дарвинизм породил евгенику, «науку» об улучшении человека как вида. Приверженцы этого учения стали утверждать, что человечество состоит из нескольких «рас», ведущих между собою борьбу за выживание. Сильнейшая из рас выживает, а остальные, будучи по определению «вырожденческими», обречены на прозябание в нищете и грязи, потому что им недоставало и недостает энергии и самодисциплины для преуспевания. И подобная линия мышления чудесным образом угнездилась бок о бок с микробной теорией: беднота и трудящиеся страдают от тифа, холеры и прочих смертельных болезней много чаще и сильнее богатых и праздных исключительно по собственной вине, потому что сам Пастер учит, что подобные болезни вполне поддаются предупреждению.

Выводы «теоретиков» евгеники с готовностью и повсеместно приняли к сведению иммиграционные службы и государственные органы, отвечающие за охрану здоровья населения, и к концу XIX века стали всецело руководствоваться ими как в своей политике, так и в практических правилах и инструкциях. Немецкие антропологи всюду занимались классификацией по «человекотипам» населения африканских колоний Германии, а в ряде штатов США узаконили принудительную стерилизацию лиц, признанных психически больными (правда, все-таки по решению суда). По иронии судьбы, хотя американские расисты от евгеники настаивали на неполноценности японцев и на этом основании настаивали на запрете их въезда в США, евгеника и в Японии пользовалась огромной популярностью, правда, на почве утверждения расового превосходства самих японцев³⁰. Сегодня евгеника повсеместно находится под запретом как псевдонаучное обоснование идей нацизма и расизма, а в 1918 году она была не просто признанной, а главенствующей теорией, под мощным влиянием которой повсеместно и формировались реакции общества на разразившуюся эпидемию испанского гриппа.

«Умы различных поколений непроницаемы друг для друга в той же мере, что и монады Лейбница»³¹, – писал в 1923 году француз Андре Моруа, но нам-то сто лет спустя все-таки видны как минимум самые очевидные различия между 1918 годом и современностью. Тогда весь мир пребывал в состоянии войны, причем шедшей безостановочно с 1914 года. Известны и причины той мировой войны, заключавшиеся в накопившихся противоречиях между интересами прежде всего европейских имперских держав. Эпоха географических открытий к 1914 году принесла сочные плоды, и большая часть земного шара была колонизирована европейцами и поделена между ними. Но после этого апогея эпоха империализма покатила на спад, и последующие десятилетия можно охарактеризовать как долгий и мучительный процесс деколонизации, распада империй и обретения независимости бывшими колониями. Между прочим, именно в 1918 году, когда мало кто предвидел подобный поворот в развитии событий, вспыхнуло последнее вооруженное восстание коренного индейского населения Северной Америки против колонизаторов, но в итоге бунт аборигенов, как водится, подавили – и саму память о нем предали забвению³².

В 1918 году родились будущие главы государств Николае Чаушеску и Нельсон Мандела, писатель-диссидент Александр Солженицын, кинорежиссер Ингмар Бергман, актриса Рита Хейворт. Нобелевскую премию по физике в том году получил Макс Планк за квантовую тео-

³⁰ S. Otsubo and J. R. Bartholomew, 'Eugenics in Japan: some ironies of modernity, 1883–1945', *Science in Context*, Autumn – Winter 1998; 11(3–4):545–65.

³¹ Немецкий философ и математик Готфрид Лейбниц (1646–1716) в трактате «Монадология» (1714) определял «монаду» как «простейшую субстанцию, входящую в состав сложных», и пояснял, что «простейшая – значит неделимая», то есть, по сути, говорил об «элементарных частицах» на языке своего времени. – *Прим. авт.*

³² 9 января 1918 г. в Медвежьей долине на юге Аризоны Десятый кавалерийский полк армии США жестоко расправился с восставшими воинами юто-ацтекского племени яки. Однако «последним» этот эпизод называть некорректно, поскольку по-настоящему последний бой «бледнолицым» был дан 20–23 марта 1923 г. в долине р. Колорадо в Неваде восставшим племенем южных пайютов.

рию, а по химии – «отец» химического оружия Фриц Габер за новую технологию синтеза аммиака, оказавшуюся незаменимой для производства аммиачной селитры, основы минеральных удобрений и взрывчатых веществ (премии по медицине и литературе, как и премию мира Нобелевские комитеты в 1918 году решили не присуждать). В Лондоне прозвучало премьерное исполнение сюиты Густава Холста «Планеты», а в Барселоне прошла первая персональная выставка работ каталонского художника и скульптора Жоана Миро.

Кино оставалось немым, а телефоны – редкостью. Междугородняя и международная связь поддерживалась в основном по телеграфным линиям, а в Китае кое-где и вовсе с помощью почтовых голубей. Гражданской авиации еще не существовало, зато в составе военноморских сил появились первые подводные лодки, а пассажирские пароходы бороздили просторы океанов со средней скоростью не более двенадцати морских узлов³³ (около 20 км/ч)³⁴. В ряде развитых стран имелись разветвленные сети железнодорожных путей сообщения, а в большинстве слаборазвитых их не было вовсе. Скажем, в Персии, по площади втрое превосходящей Францию, имелись единственная узкоколейка длиной 12 км и всего 300 км шоссейных дорог, да и те для единственного в стране лимузина, принадлежавшего лично шаху. И хотя в США на заводе Генри Форда уже десять лет выпускался позиционированный как «общедоступный» Ford Model T конвейерной сборки, автомобили оставались роскошью даже в Америке. В общемировых же масштабах самым распространенным видом транспорта по-прежнему был выучный.

Это был мир, с одной стороны, вроде бы нам до боли знакомый, а с другой – страшно не похожий на современность. Вопреки всем грозным предостережениям микробной теории, к примеру, народонаселение повсеместно продолжало обитать в условиях вопиющей антисанитарии и вести нездоровый по современным меркам образ жизни, и даже в промышленно развитых странах западного мира основную массу заболеваний продолжали составлять острые инфекции, на которые приходилось и подавляющее число случаев со смертельным исходом. Мало кто тогда доживал до привычной сегодня смерти от хронических или старческих заболеваний. После вступления Америки в войну в 1917 году там было впервые в истории проведено массовое обследование мужчин призывного возраста, по сути, общенациональная диспансеризация этой категории населения. Результаты вошли в историю американского здравоохранения с эпитетом «ужасающие»: из 3,7 млн призывников около 550 000 были признаны полностью негодными к службе в вооруженных силах, а еще 1,5 млн (!) ограниченно годными из-за физических недостатков и хронических болезней, многие из которых вполне поддавались бы профилактике или лечению, если бы в свое время хоть кто-то этим озаботился.

Сегодня под «чумой» мы понимаем вполне конкретное острое инфекционное заболевание, вызываемое бактерией *Yersinia pestis* («чумной палочкой») и принимающее три основных формы, известные как «бубонная», «легочная» и «септическая» чума. В 1918 году, однако, «чумой» называли любое острое инфекционное заболевание, внезапно обрушивавшееся на население и собиравшее обильный урожай жертв. При этом и «настоящая» чума по прозвищу «Черный мор», со времен византийского императора Юстиниана регулярно опустошавшая средневековую Европу, никуда с континента не делась. Невероятно, но факт: в Англии ее последнее посещение совпало по времени с эпидемией «испанки»³⁵. Кстати, и понятие «человек средних лет» в те годы сильно отличалось от современных представлений: в Европе и Северной Америке ожидаемая продолжительность жизни при рождении не превышала 50

³³ «Титаник» в своем первом и последнем рейсе шел с крейсерской скоростью 23 узла, а британские «Мавритания» и «Лузитания» и вовсе разогнались до 25 узлов.

³⁴ G. D. Shanks, M. Waller and M. Smallman-Raynor, 'Spatiotemporal patterns of pandemic influenza-related deaths in Allied naval forces during 1918', *Epidemiology & Infection*, October 2013; 141(10):2205–12.

³⁵ J. Black and D. Black, 'Plague in East Suffolk 1906–1918', *Journal of the Royal Society of Medicine*, 2000; 93:540–3.

лет, а в большинстве остальных регионов мира была еще ниже. В Индии и Персии, к примеру, почиталось за счастье дожить до собственного тридцатилетия.

Даже в богатых и высокоразвитых странах роды принимали преимущественно на дому, ванны и горячая вода оставались роскошью, доступной исключительно богачам, да и до всеобщей грамотности было еще очень далеко. Простые люди к тому времени уже усвоили понятие «зараза», но не механизмы передачи и распространения инфекции, и если это кому-то покажется удивительным, поскольку микробная теория к тому времени была уже полвека как известна, то не лишним будет провести параллель с более современным явлением из области массового сознания. Открытие структуры ДНК и зарождение молекулярной генетики датируется 1953 годом, и это стало очередным эпохальным переворотом в нашем понимании здоровья и патологии человека. Так вот: через полвека после этого социологический опрос репрезентативной выборки граждан США показал, что и в 2004 году у большинства американцев были весьма смутные и путанные представления о том, что такое гены и наследственность³⁶.

По состоянию на 1918 год врачи обладали весьма лоскутными познаниями, в силу особенностей полученного ими образования, хотя Эйбрахам Флекснер³⁷ с 1910 года последовательно боролся за внедрение в США единообразного и досконального преподавания медицины. О медицинском страховании также мало где слышали, и услуги врачей и больниц оплачивались самими пациентами или благотворительными фондами. Пенициллин еще не был открыт, и за отсутствием антибиотиков рассчитывать при острых воспалениях людям оставалось лишь на сопротивляемость и живучесть собственного организма. Как следствие, даже в Париже и Берлине болезни лезли в человеческую жизнь из всех щелей. Они же угадывались за мрачными цифрами небоевых потерь в войсках и массовых жертв среди мирного населения в газетных сводках с театров военных действий. «Инфекционная болезнь» как понятие занимала тогда в медицине и здравоохранении примерно то же место, какое в современной астрофизике и космологии отведено «темной материи»: все знали о ее существовании, но настолько плохо понимали ее природу, что предпочитали без крайней надобности о ней не упоминать. Эпидемии сеяли панику и отчаяние, на смену которым вскоре приходило обреченное смирение. Религия оставалась последним прибежищем и слабым утешением, а многодетные родители взяли за правило безропотно расставаться с детьми и радоваться уже тому, что хоть кто-то из них выжил. Да и само отношение к смерти на исходе войны изменилось кардинально. «Раз смерть столь частый гость, какой смысл ее страшиться?» – думали люди и вовсе переставали заботиться о своем здоровье.

Именно в этот опустошенный и подавленный мир ворвалась «испанка» – в мир людей, привычных кто к автомобилям, кто к вьючным повозкам; веривших кто в квантовую механику, кто в черную магию, а кто и в то и другое одновременно. Это был мир, стоявший одной ногою в будущем, другою в прошлом, где одни жили в небоскребах с телефонами, а другие в средневековой патриархальности. Единственным, что ни несло в себе ни единого признака стиля модерн, был мор, готовый на них обрушиться; это было чистой воды ледяное дыхание древней как мир пагубы. После первого же случая с летальным исходом и мир, и все его население числом порядка 1,8 млн человек, казалось, разом перенеслись на тысячелетия назад, в древний шумерский город Урук.

³⁶ A. D. Lanie et al., 'Exploring the public understanding of basic genetic concepts', Journal of Genetic Counseling, August 2004; 13(4):305–320.

³⁷ Эйбрахам Флекснер (англ. Abraham Flexner, 1866–1959) – американский педагог и реформатор систем высшего образования США и Канады, включая медицинское.

Часть вторая

Анатомия пандемии

Борьба с гриппом в Сиэтле. Вакцинация, штат Вашингтон (Национальный архив США).

Глава 1

По морям, по волнам...

Утром 4 марта 1918 года в лазарет учебно-тренировочного лагеря Кэмп-Фанстон в штате Канзас обратился повар лагерной столовой Альберт Гитчелл с жалобами на боль в горле, высокую температуру и головную боль. К обеду пациентов с подобными симптомами набралось уже больше сотни, а через несколько дней счет пошел на тысячи, и начальник медсанчасти распорядился срочно переоборудовать под импровизированный госпиталь огромный складской ангар.

Возможно, Гитчелл был не первым, кто подцепил «испанку». С 1918 года и поныне ведется бесплодная дискуссия относительно того, где и когда именно возник первый очаг начинающейся пандемии. Просто этот случай стал первым официально зафиксированным, и для удобства принято считать датой начала пандемии именно 4 марта 1918 года. Вслед за Альбертом Гитчеллом в условный лазарет вскоре проследует еще полмиллиарда людей.

Америка вступила в Первую мировую войну в апреле 1917 года, а к осени новобранцы преимущественно из сельской местности стали стекаться в учебно-тренировочные лагеря для подготовки к прохождению службы в Американских экспедиционных силах (АЭС) в Европе под командованием генерала Джона Першинга по прозвищу Блэк Джек. Одним из первичных сборных пунктов как раз и был Кэмп-Фанстон. Часть поступавших новобранцев проходила обучение прямо там и отправлялась во Францию, часть перераспределялась в другие учебно-тренировочные лагеря. К апрелю 1918 года эпидемия гриппа охватила Средний Запад и портовые города Восточного побережья США, откуда отправлялись солдаты, и порты прибытия во Франции, а к середине апреля грипп добрался уже и до окопов Западного фронта. Погода в Европе стояла не по-весеннему жаркая, но в немецких войсках начались массовые жалобы на *Blitzkatarrh*³⁸, что не могло не озадачивать главного санитарного врача немецкой Второй армии Рихарда Пфайффера, того самого, чьим именем была названа бактерия якобы гриппа. От линии фронта грипп быстро распространился на всю Францию и перекинулся на Великобританию, Италию и Испанию. Ближе к концу мая слегли король Испании Альфонсо XIII и весь его кабинет министров с премьером во главе³⁹.

Тогда же, в мае, грипп распространился на восток до немецкого Бреслау (современный польский Вроцлав), где в мирное время Пфайффер, кстати, заведовал кафедрой гигиены, и внезапно вспыхнул в Одессе, за 1300 км от линии Западного фронта. Дело в том, что после заключения пришедшими в России к власти большевиками в марте 1918 года сепаратного мирного договора с Центральными державами в Брест-Литовске (известного в обиходе как Брестский мир) и выхода Советской России из войны немцы начали освобождать российских военнопленных. Поначалу они планировали использовать тех из них, кто поздоровее, на принудительных работах, а вот больных и раненых при содействии нескольких обществ Красного Креста стали отправлять на родину по несколько тысяч человек в день, и, вероятно, эти «воистину ходячие трупы» сослужили России скверную службу, завезя туда вирус⁴⁰.

В мае грипп обрушился и на Северную Африку, а оттуда, в том же месяце, не только распространился на весь Черный континент, но и, похоже, добрался морем до Бомбея (современный Мумбаи), а из Индии двинулся дальше на восток. Где-то к востоку от Индии, вероятно, и сомкнулись две встречных волны, поскольку еще в апреле сообщалось о вспышках

³⁸ «Блицкатар», то есть стремительно развивающееся воспаление слизистых оболочек (нем.).

³⁹ B. Echeverri, 'Spanish influenza seen from Spain', in Phillips and Killingray (eds.), p. 173.

⁴⁰ E. F. Willis, Herbert Hoover And The Russian Prisoners Of World War I: A Study In Diplomacy And Relief, 1918–1919 (Whitefish: Literary Licensing, LLC, 2011), p. 12.

гриппа в индокитайских колониях⁴¹. Ну а оттуда и до Китая рукой подать. «Небывалая эпидемия захлестнула северный Китай», – гласила «шапка» первого июньского номера *New York Times*, и далее за утренним кофе любознательные ньюйоркцы имели возможность ознакомиться со статистикой: 20 000 случаев зарегистрировано в одном только Тяньцзине на северо-востоке страны; «тысячи заболевших» и в столичном Пекине, где «банки и магазины шелков вот уже несколько дней как закрыты целыми рядами, а работа полиции парализована, поскольку некому стало нести службу». В конце мая вспыхнула эпидемия в Японии, к июлю грипп добрался и до Австралии, а затем показалось, что пандемия пошла на спад, но...

Это была лишь первая и относительно щадящая волна пандемии. Подобно всякому сезонному гриппу, весенне-летняя вспышка 1918 года сеяла неразбериху, но до поры до времени еще не панику. На европейском театре военных действий неразбериха, однако, быстро переросла в полный хаос и серьезно вмешалась в ход военных действий. Вслед за Брестским миром и закрытием Восточного фронта генерал Эрих Людендорф, начальник германского штаба и главный стратег Центральных держав, попытался пресечь дальнейшую высадку американского десанта и обрушил все силы, включая переброшенные с Восточного фронта, на позиции союзников по Антанте на Западном фронте. Это мощное весеннее наступление, получившее название *Kaiserschlacht*, то есть «битва за кайзера», было последним шансом Германии на победу именно благодаря полученному с востока мощному подкреплению. Однако развить первые успехи немцам не удалось, и наступление захлебнулось. Обе стороны были серьезно ослаблены гриппом. Во французских войсках той весной слегло до трех четвертей, а в британских – более половины бойцов. Боеспособность целых полков, дивизий и даже армий по обе стороны фронта была полностью подорвана, а военно-полевые госпитали трещали по всем швам их брезентовых палаток. Ситуация на фронте вселяла ужас в души тех, кто еще способен был хоть что-то воспринимать. «Мы там с высокой температурой лежали вповалку на плащ-палатках, расстеленных на голой земле, под открытым небом», – вспоминал выживший рядовой британской армии Дональд Ходж.

⁴¹ К. D. Patterson and G. F. Pyle, 'The geography and mortality of the 1918 influenza pandemic', *Bulletin of the History of Medicine*, Spring 1991; 65(1):4–21.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.